

RU

Роль композиционно-тематических линий и особенности их речевой репрезентации в автобиографическом нарративе

Лисова О. О.

Аннотация. Цель данного исследования – представить типологию композиционно-тематических линий автобиографического нарратива (на примере документальной повести А. Н. Архангельского «Русский иероглиф. История Инны Ли, рассказанная ею самой»). Научная новизна исследования заключается в описании роли языковых средств (в частности, настоящего исторического времени глагола, односоставных и двусоставных предложений, вставных конструкций и вводных слов), участвующих в формировании композиционно-тематических линий; а также в выборе материала, который ранее не был объектом научного осмысления. В результате исследования были выделены три композиционно-тематические линии: личная, семейная и социально-историческая. Основой для выделения таких линий служат работы психологов в области автобиографической памяти, а также исследования структуры нарратива. Полученные результаты показали закономерность в выборе синтаксических средств при описании событий, максимально приближенных к личным, событий семейной жизни, а также событий, относящихся к фоновому повествованию.

EN

The role of compositional-thematic lines and the features of their speech representation in the autobiographical narrative

Lisova O. O.

Abstract. The study aims to present a typology of compositional-thematic lines in the autobiographical narrative (using the documentary story “Russian Hieroglyph. The Life Story of Inna Li, Told by Herself” by A. N. Arkhangelsky as an example). The scientific novelty of the study lies in describing the role of linguistic means (in particular, the historical present, one-part and two-part sentences, parenthesis constructions and parenthetical words) involved in the formation of compositional-thematic lines; as well as in selecting material that has not previously been the object of scholarly elaboration. As a result of the study, three compositional-thematic lines were identified: personal, family-related and socio-historical. The work of psychologists in the field of autobiographical memory, as well as research on the structure of the narrative serve as the basis for the identification of such lines. The results showed a pattern in the choice of syntactic means when describing events as close as possible to personal ones, family life events, as well as events related to the background narrative.

Введение

Актуальность исследования связана с интересом современных наук (прежде всего психологии, лингвистики и литературоведения) к нарративному анализу как методу изучения языкового сознания и когнитивных процессов. Автобиографические тексты являются вербальным выражением мыслительного процесса, а структурный и лингвистический анализ таких нарративов позволяют исследовать аксиологическую сферу, поскольку через рассказ о событиях своей жизни, вписанный в исторический и культурный контексты, нарратор показывает свое отношение к описываемым событиям. Таким образом, изучение информационной структуры текста через анализ его композиционных компонентов и особенностей их речевой репрезентации представляется нам актуальным.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: 1) представить обзор актуальных теоретических работ, посвященных выявлению композиционных единиц текста; 2) провести структурно-

тематический анализ текста и определить композиционные единицы автобиографического нарратива; 3) проследить закономерности функционирования языковых средств в выделенных композиционных единицах; 4) на основе обобщения результатов проведенного исследования представить критерии выделения композиционно-тематических линий автобиографического нарратива.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Для обзора актуальных теорий лингвистического анализа нарратива использован описательно-аналитический метод. Кроме того, данный метод применялся при описании типологии композиционно-тематических линий и критериев их выделения. При определении композиционных особенностей текста был задействован метод структурного анализа. В качестве метода анализа функционирования языковых единиц использовался метод дискурсивного анализа.

Материал исследования: Архангельский А. Н. Русский иероглиф. История Инны Ли, рассказанная ею самой. М.: АСТ; Редакция Елены Дубиной, 2022.

Теоретической базой исследования послужили труды, посвященные изучению человеческой памяти (Нуркова, 1998; 2000; Рягузова, 2019; 2020) и автобиографических текстов (Преображенская, 2009; Молчанова, 2022); работы в области структурно-композиционного (Labov, 1972; Виноградов, 1975; Плунгян, 2008) и лингвистического (Падучева, 1996; Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998) анализа текста. Важным аспектом исследования явилось описание особенностей функционирования синтаксических единиц с опорой на работы ученых-синтаксистов (Скобликова, 1997; Пушкарева, 2012; Тестелец, 2001; Рогова, 2020).

Результаты исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного профиля на практических занятиях по лингвистическому анализу текста, стилистике и современной литературе. Кроме того, полученные данные могут быть полезны психологам и специалистам по когнитивным наукам, занимающимся вопросами автобиографической памяти и языкового сознания.

Обсуждение и результаты

В настоящее время нарратив стал важным объектом не только лингвистических и литературоведческих, но и психологических, когнитивных исследований, поскольку при рассказе о себе человек по-новому видит свой жизненный путь, придает новые смыслы прошлым событиям (Преображенская, 2009, с. 29). При изучении нарратива особое внимание уделяется структуре и композиционным элементам, поскольку анализ взаимосвязи данных элементов позволяет нам проникнуть вглубь текста. Так, В. В. Виноградов (1975) говорил о том, что «композицию можно рассматривать в двух планах: в плане статическом, как соотношение элементов поэтического, и в плане динамическом, как движение этих элементов по направлению, так сказать, к финалу». Когда мы выделяем эти элементы, мы сталкиваемся с новой проблемой – это «видоизменение всех других частей произведения, потому что, двигаясь, дробясь на какие-то целостные единства, то или иное художественное произведение все время создает новые... семантические, поэтические единства, и в то же время двигает вас к пониманию, уразумению смысла целого» (Виноградов, 1975).

Первая теория основных структурных элементов нарратива была предложена У. Лабовом, который выделил следующие компоненты: экспозиция – развитие действия – кульминация – развязка – кода – резюме (Labov, 1972). Такая классификация не представляется нам релевантной для анализа сложного автобиографического дискурса, повествующего о большом количестве взаимосвязанных событий, происходящих в жизни разных людей. В настоящее время интерес исследователей обращен к работе В. А. Плунгяна, в которой он, анализируя языковой материал различных языков и работы разных авторов на данную тему, вводит понятие «пассаж». Пассаж – это фрагмент нарративного дискурса, который обнаруживает общие правила использования грамматических средств. Автор предлагает следующую рабочую классификацию пассажей в нарративном дискурсе (Плунгян, 2008, с. 20-21): 1) интродуктивный; 2) секвентный; 3) фоновый; 4) ретроспективный; 5) объяснительный. Однако здесь стоит задаться вопросом: всегда ли данная классификация будет оптимальной именно для автобиографического нарратива. В настоящем исследовании предпринята попытка поиска единицы структурного анализа автобиографического нарратива.

Анализ работ по философии, филологии и психологии позволяет говорить о трех пластах памяти, которые встречаются в текстах автобиографического (мнемического) нарратива: индивидуальная, семейная и коллективная память. Личная память субъекта связана с процессами фиксации в памяти определенных моментов, событий жизни, это интеграция истории прошлого как часть личной истории (Нуркова, 1998, с. 4). Коллективная память определяется как совокупность значимых для группы образных и вербальных репрезентаций прошлого, транслируемых и воспроизводимых членами группы в настоящем (Рягузова, 2019, с. 61). Семейная память является разновидностью коллективной памяти, присуща всем членам семьи как группы и «охватывает разные режимы бытия: повседневность (семейные традиции, ритуалы, сценарии жизни и поведенческие паттерны, кулинарные рецепты, дни и места памяти, семейные документы) и экстремальность (войны, природные и техногенные катастрофы, репрессии, травмы, опыт их преодоления и стратегии совладания с ними)» (Рягузова, 2020, с. 326). В рамках исследований автобиографических текстов ученые обращаются к изучению индивидуальной памяти субъекта, в то время как «работы, посвященные изучению процесса и механизмов взаимодействия коллективной и индивидуальной видов памяти, немногочисленны» (Молчанова, 2022, с. 326).

В соответствии с этими видами памяти попробуем выделить и основные композиционно-тематические линии повествования в рассматриваемом произведении: личную линию (автобиографическую), когда речь

идет о событиях, которые происходили с героиней (Инной), семейную линию повествования, выстроенную как воспоминания о семье и жизнях людей ближайшего окружения (отца, матери, сестры), и историческую (коллективную) линию, рассказывающую о жизни страны и целой эпохе. Композиционно-тематические линии отличаются друг от друга действующим (-и) лицом (лицами), набором тем, событий, а также языковыми средствами, используемыми для изображения событий. Особенности взаимодействия таких линий, их расположение в структуре текста и позволяют выходить к той идее, которая заложена автором текста.

Одной из особенностей личной композиционно-тематической линии является стремление к передаче яркой перцептивной картинке (и ее изменения) в моменте. Исследователь автобиографической памяти В. В. Нуркова относит такие воспоминания к типу «ярких воспоминаний», которые представляют собой живую картинку и максимально «сохраняют прошлые метрики пространства» (2000, с. 129), при этом воспоминание разворачивается как «описание картины: называются участники ситуации, предметы, их характеристики, взаимное расположение, перемещения относительно друг друга» (2000, с. 115), а детали эпизода могут даваться не только в визуальной, но и в других модальностях. С лингвистической точки зрения такие воспоминания оформляются через репродуктивный (изобразительный) регистр, коммуникативная функция которого «заключается в воспроизведении, репродуцировании средствами языка фрагментов, картин, событий действительности как непосредственно воспринимаемых органами чувств говорящего, наблюдателя, локализованных в едином с ним хронотопе (реально или в воображении)» (Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, с. 394), что определяет и грамматическую доминанту данного регистра – использование настоящего времени, поскольку автор фиксирует реально наблюдаемые явления в совпадении их с моментом речи. Обратимся к анализу текста, чтобы выделить грамматические особенности, характерные для репродуктивного регистра в личной линии повествования.

Рассказ о своих первых воспоминаниях о раннем детстве героиня начинает с описания того, что она видела в трехлетнем возрасте, то есть с перцептивных (визуальных) эпизодов: «*Помню себя начиная с трехлетнего возраста. Отец уже в Китае – его отправили руководить Северо-Восточным бюро КПК. Мы с мамой живем на подмосковной даче, 43-й километр. День моего рождения. Я открываю глаза. Все кажется очень большим. Солнечный свет падает на деревянную террасу. Рядом с кроватью подарочки, разнообразные игрушки. И висит платице. Это мой отец прислал с оказией из Харбина...*» (Архангельский, 2022, с. 24). Данный фрагмент отражает детские воспоминания героини, ее восприятие окружающего мира, на что указывают субстантивные предложения разной семантики («*Отец в Китае*» – локативная характеристика субъекта/предмета; «*День моего рождения*» – характеристика времени, в которое вводит нас сознание воспринимающего субъекта; «*Рядом с кроватью подарочки, разнообразные игрушки*» – характеристика места, «наблюдаемый пункт» автора). Таким образом, мы видим признак конкретно-временной локализованности или наблюдаемости: героиня является участником изображаемого мира, стремится передать его через «хронотоп» и визуальную перцепцию. Обратим внимание и на стремление к фрагментированию изображения, отсутствие деталей и комментариев (за исключением того, что связано с отцом: «*...его отправили руководить Северо-Восточным бюро КПК*» и «*...это мой отец прислал с оказией из Харбина*» – такие комментарии имеют функцию включения отца в изображаемый мир при его физическом отсутствии).

Стремление к визуальной передаче воспринимаемого мира наблюдается и в дальнейшем в повествовании героини о своем детстве: «*Яркая вспышка – день победы над Японией. <...> Балкон с видом на Кремль, все как полагается. И мама взяла меня с собой. Помню эту глубокую сентябрьскую ночь: мы стоим на балконе и как бы парим на огромной высоте над Красной площадью. А внизу все заполнено народом, голова к голове. Музыка. Салют. И прожектора шарят лучами в небе, а в их перекрестье – огромный парадный портрет товарища Сталина*» (Архангельский, 2022, с. 25). Здесь к визуальной перцепции (*вид на Кремль, народ, прожектора в небе, портрет товарища Сталина*) добавляются аудиальные и аудиально-визуальные (*музыка и салют*), а также проприоцептивные ощущения, то есть ощущения собственного тела в пространстве («*и как бы парим над Красной площадью*»). Даже предложения с акциональными глаголами – сказуемыми («*Прожектора шарят лучами в небе*») выполняют в данном фрагменте изобразительно-описательную функцию, нивелируя свое исходное значение под воздействием доминирующей здесь семантики стативных предложений.

Отметим, что предметы и детали окружающего мира воспроизводятся не только с целью включения читателя в изображаемый мир, но и для того, чтобы осветить явления политической, социальной жизни, рассказать о конкретных исторических фигурах. Так, например, следующий эпизод воспроизводит как личное воспоминание героини, так и социальную обстановку в Китае: «*Так, в хунвейбинском облачении, мы и вошли в самое пижонское кафе Шанхая, поднялись на второй этаж. Видим, публика молодая, но какая-то странная. Все одеты вроде как принято, в синие кители, на головах кепки. <...> А они какие-то расслабленные, нога на ногу, курят, кители распахнуты, ворота рубашек видны. Нам-то было наплевать, мы же пришли кофе выпить и пирожные съесть, но публика заерзала. Начала как-то подбираться. Ножки складывают. Пуговички застегивают. Садятся ровно. На нас смотрят исподтишка*» (Архангельский, 2022, с. 96). Из этого эпизода читатель узнает о хунвейбинских патрулях, которые следили за «моральным порядком» в Китае, в том числе за одеждой. В приведенном фрагменте выявляются маркеры репродуктивного регистра: настоящее историческое время глагола при описании ситуации прошлого и предметная доминанта. Несмотря на ярко выраженную «предметность», эпизод не статичен, поскольку читательское восприятие движется вслед за взглядом героини: от общей перспективы и оценки публики (молодая, странная) – к оценке одежды и поведения молодых людей, затем – к постепенному изменению их действий при виде хунвейбинов.

Выделим особенности личной композиционно-тематической линии: 1) использование номинативных предложений, которые изображают детали «важные, выразительные, рассчитанные на опыт и воображение слушателя или читателя – такие, по которым он может представить себе общую картину описываемой обстановки или событий» (Скобликова, 1997, с. 162). Такой же функцией в рассматриваемых примерах обладают локативные конструкции, а также согласованные и несогласованные определения; 2) использование форм настоящего исторического времени глаголов, которые, с одной стороны, показывают, что «автор находится как бы в том же времени, что и описываемый персонаж» (Успенский, 1970, с. 97), с другой – «как бы включает читателя в диалог, т. е. помещает его в пространство и время, в котором находится сам повествователь, тогда как прошедшее время отдаляет описываемую ситуацию от читателя» (Падучева, 1996, с. 289).

Семейная композиционно-тематическая линия связана с введением фигур отца, матери и сестры. Надо отметить, что фигуры вводятся по-разному: так, образ отца встречается и в социально-исторической линии, поскольку он является участником исторических событий. В социально-исторической линии отец назван официальным именем (Ли Лисань), описан сквозь призму «архивных документов». В то же время образ матери часто дан через диалоги, мысли, чувства, восприятие, ее слово оказывается тесно переплетенным со словом Инны; образ сестры вводится через действие и совместно проживаемые события (например, события поступления в университет, преследования за внешний вид, нахождения в тюрьме и жизни после нее). Часто в семейной линии субъект выражен дейктиком «мы»: «*Мы с Аллой и Лю Хэчжунуо рано утром вскочили на велосипеды, добрались до здания недалеко от Тяньаньмэнь, где нас пересадили в джипы и отвезли в тюрьму по знакомой дороге*» (Архангельский, 2022, с. 185); «*Мы с мамой были изумлены тем, что почти у всех наших знакомых, особенно преподавателей, вдруг нарисовались родственники за границей*» (Архангельский, 2022, с. 221). В последнем предложении героиня передает «общую» точку зрения, эмоции (свои и матери), явно обозначая субъектов сознания (я и мама), однако часто слово матери оказывается включенным в текст без графических обозначений или сознание матери передается через «свое» слово, будто собственные мысли: «*А мама была очень огорчена моим решением, потому что оно разрушало ее мечту: Инночка окончит Московский университет, выйдет замуж, обустроится, можно будет в случае чего найти у нее приют...*» (Архангельский, 2022, с. 41). В приведенном примере Инна говорит о себе в третьем лице, что отсылает нас именно к тому, что это произнесенное слово матери (для сравнения: это разрушило ее мечту о том, что я окончу университет, выйду замуж и т. д.). Героиня часто передает не только то, что чувствовала и думала мама, но и то, что слышала и о чем переживала («*Меня они пугали тем, что могут отдать в руки хунвейбинов. Маму страшили карцером, угрожали: "Мы вам хорошенькое местечко найдем". Но ни меня, ни ее не били*» (Архангельский, 2022, с. 41)), мама является важным источником знаний и воспоминаний о Советском Союзе («*Мама говорила, что в советских тюрьмах во время допроса заключенных сажали на табуретки*» (Архангельский, 2022, с. 41)). Таким образом, одной из главных особенностей при введении образов близких людей является использование несобственно-прямой речи. Кроме того, героиня часто вспоминает диалоги с родителями, что находит отражение в цитировании, использовании конструкций прямой и косвенной речи.

В тексте дейктик «мы» соотнесен с разными людьми: я (Инна) и сестра, я и другие студенты, я и моя мама, я и какая-то социальная группировка и т. д. Так, например, героиня описывает то, как студентов отправляли в деревни: «*Занимались мы, можно сказать, социологическими опросами. Но в классовой духе... <...> Но обычно получалось как. Мы приходим, просим крестьян постарше: "Поделитесь воспоминаниями о вашем горьком прошлом". <...> Конечно, мы ходили на работу в поле. Это все потом мне тоже пригодилось. <...> На четвертом курсе мы поехали уже надолго, на полгода, и не под Пекин, а в дальнюю провинцию Шаньси – очень консервативную, кондовую. Жили у местных, спали с ними на одном кане*» (Архангельский, 2022, с. 60–63). Такие фрагменты текста неотделимы от личной линии, поскольку Инна является непосредственным участником событий, однако акцент переносится на динамику социальных явлений (социально-историческую линию), что передается через активное использование акциональных глаголов, пропуск подразумеваемого подлежащего (мы), описание социальных деталей (героиня говорит, в какую провинцию их отправили, где они спали, чем занимались, описывает быт людей).

Остановимся на анализе социально-исторической линии повествования. Первая глава («Мама и папа») вводит образы персонажей, важных для повествования героини: матери, отца, бабушки, упоминание бабушки. На первый взгляд, мы могли бы отнести такие упоминания к семейной линии повествования, если бы не одна особенность – документальность. Рассказ героини об отце основан, с одной стороны, на словах матери, с другой – на анализе документов, о чем она сама неоднократно упоминает: «*Я читала в архиве Коминтерна стенограмму совещания Исполкома, где прорабатывают Ли Лисаня*» (Архангельский, 2022, с. 22). Таким образом, героиня указывает на источник (архив Коминтерна) и точное историческое имя (не «папа», а «Ли Лисань»). В данном случае мы говорим о таком свойстве, как стремление к документальности в исторической линии повествования. Такая документальность достигается через использование имен исторических деятелей (Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Чжоу Эньлай, Иосиф Сталин и др.), точных дат («*В 1928 году отец вошел в руководящую тройку партии...*» (Архангельский, 2022, с. 20); «*Сразу после возвращения на родину – было это в начале 1920-х – отец нашел в Шанхае тогдашнего генсека Чэнь Дусю*» (Архангельский, 2022, с. 20); «*В конце 1930-го Ли Лисань прибыл в Москву и застрял здесь на пятнадцать лет*» (Архангельский, 2022, с. 20)). В последнем примере Инна «официально» называет отца Ли Лисань, а следующий затем предикат «прибыл» добавляет предложению оттенок формального, протокольного изложения, то есть воспоминания об отце в данных пассажах имеют максимально дистанцированный, несколько объективный характер, словно речь идет об исторической далекой фигуре в представлении автора-документалиста.

Несмотря на то, что социально-историческую линию отличает стремление к максимальной объективности, читатель все-таки имеет дело с видением этих событий отдельным человеком, что вносит элемент личной оценки и внутреннего проживания происходящего. Рассмотрим примеры: «Весной 1969 года прошел IX съезд КПК, который, с одной стороны, канонизировал ее завоевания, возвел Мао в ранг непререкаемого авторитета, с другой – притормозил порождавшие ее политические процессы» (Архангельский, 2022, с. 139); «К концу 1969 года началось новое политическое движение, весьма странное, о котором и сейчас мало пишут. Так называемое разоблачение участников организации “16 мая”, к которой можно было отнести кого угодно, я даже не уверена, что она в реальности существовала. <...> Видимо, Чжоу Эньлай тоже воспользовался этой ситуацией, чтобы навести порядок, как он его понимал, и среди прочего дал поручение разобраться в смерти Ли Лисаня» (Архангельский, 2022, с. 148). В приведенном фрагменте наблюдается как «сухое» указание на точные даты и события, так и личная оценка нарратора, выражаемая через использование вводных слов и сложноподчиненных предложений: то есть, с одной стороны, есть событие (IX съезд КПК, политическое движение «16 мая»), с другой – оценка этого с позиции «сейчас» (*политическое движение весьма странное, о котором сейчас мало пишут; к организации можно было отнести кого угодно и т. д.*). В рассмотренных эпизодах мы видим достаточно сдержанную оценку событий, что в целом соответствует норме выражения Инной оценочности в данной тематической линии, однако встречаются эпизоды с явной оценочной позицией героини, выраженной с помощью вводных слов: «Еще до этого письма отец собрал экстренное совещание актива ЦК и призвал разжечь всекитайскую революцию, которая, конечно же, перерастет в мировую. Начались выступления в городах, которые, разумеется, захлебнулись...» (Архангельский, 2022, с. 21). Таким образом, в социально-историческую линию включаются оценочные элементы, видение героини не только как историка-документалиста (как это было в самом начале), но и собственная интерпретация происходящего, выраженная чаще всего через употребление вводных слов.

Социально-историческую линию отличает активное использование неопределенно-личных предложений, имеющих разные функции в тексте: от передачи информации о действиях «государственной машины» (Тестелец, 2001) или, другими словами, «конвенционального подтекста» (Пушкарева, 2012) до описания культурно-исторической и бытовой жизни общества: «Но это все были мирные споры, между своими. А вовне нарастала вакханалия. Дальше стали выискивать так называемых предателей» (Архангельский, 2022, с. 72); «Когда стали отменять карточки, народ реагировал нервно, опасаясь, что опять обманут. Объявили, что с такого-то дня отменяют карточки на ткани; накануне люди бросились в магазины и отоварили все карточки. Приняли решение отменить карточки на мясо (и на всякий случай накануне продлили работу магазинов до полуночи) – покупатели смели с прилавков все» (Архангельский, 2022, с. 217).

Особенностью неопределенно-личных предложений является потенциал к совмещению нескольких линий повествования, о чем говорится в работах исследователей односоставных предложений. К. А. Рогова обращает внимание на то, что субъект неопределенно-личного предложения может быть «персонажем, деятельность которого однозначно детерминирована контекстом, т. е. с доминантой направленности на предмет» (2020, с. 17) или «персонажем, социально детерминированным, связанным с проявлением свойств, с функцией организатора деятельности. <...> В этом случае значение субъекта НЛП создает некий фон, мотивирующий развитие собственно сюжетного повествования о деятельности персонажа» (2020, с. 17). К. А. Рогова указывает на одну из важнейших семантических функций неопределенно-личных предложений: создавать фон ситуации, той линии, которую ведет говорящий, при этом факт незначительности и неважности «деятели» становится спорным, поскольку на первый план выходит «когнитивный уровень» – уровень ведения параллельной линии повествования. Н. В. Пушкарева, анализируя роман М. Булгакова, обращает внимание на важную деталь: в некоторых случаях «одинаковыми грамматическими средствами описаны как действия органов следствия, так и действия спутников черного мага», т. е. неопределенно-личные предложения «обозначают разные процессы без указания на то, сколько деятелей их производило» (2012, с. 39). Таким образом, в повествовательном тексте неопределенно-личные предложения приобретают уникальную способность вести «параллельное» повествование, включать в нить повествования сразу несколько линий, считываемых сознанием носителя языка.

Рассмотрим пример: «Незадолго до 18 августа всех предупредили: готовьтесь выйти на площадь Тяньаньмэнь. Неважно, какой “линии” вы придерживаетесь – всем велено быть. 18-го ни свет ни заря нам подали автобусы. Довезли до центра, сказали построиться. Вроде бы ничего необычного: нас так вывозили на любые праздники, 1 Мая, 1 Октября – день образования КНР. Давали каждому задание: ты пройдеши в колонне по площади, а ты встанешь на указанном месте, вскинешь бумажные цветы, обеспечишь красивую картинку» (Архангельский, 2022, с. 79-80). В данном примере предложение «нас так вывозили на любые праздники» является комментарием и не связано напрямую с описываемой ситуацией (такая связь осуществляется только на когнитивном уровне героини: она сопоставляет ситуацию «сейчас» и «раньше»). Данное предложение имеет конвенциональный подтекст (то есть его подразумеваемым субъектом является государственная власть), в то время как другие неопределенно-личные предложения в данном эпизоде («довезли до центра», «давали задание») указывают на то, что происходило с героиней (т. е. они оказываются соотношенными с личной композиционной линией).

Еще одной особенностью социально-исторической линии является использование вводных конструкций, которые выполняют три важные функции. Во-первых, дают комментарий, что способствует пониманию реалий, о которых говорится в тексте: «А я отправилась в приемную Госсовета, и меня в нее пропустили (тогда все это было достаточно свободно)» (Архангельский, 2022, с. 175); «В середине 1970-х вдруг дали разрешение показывать в учреждениях кино из запасников. (Все крупные конторы имели свою кинопередвижку, аппаратуру и архивы старых

фильмов, в основном советских.) *Наш институт не исключение*» (Архангельский, 2022, с. 180). Во-вторых, обеспечивают коммуникацию с читателем: «Там были не только лозунги, но и какие-то шуточки, которые вошли в китайский язык, стали крылатыми словами (сейчас бы их назвали мемами)» (Архангельский, 2022, с. 180). В-третьих, вводят оценку событий повествующим субъектом: «Потом сверху (но явно не от Мао) было спущено указание слегка поприжать бунтарей. В течение трех или четырех недель нас не отпускали домой и подвергали, я бы сейчас сказала, изощренной морально-психологической пытке» (Архангельский, 2022, с. 73). Таким образом, неопределенно-личные предложения и вводные конструкции играют важную роль в формировании социально-исторической тематической линии автобиографического текста.

Заключение

В результате исследования были сделаны следующие выводы.

Актуальным направлением дискурсивного анализа является изучение структуры нарратива, т. е. выделение и классификация фрагментов, которые образуют его композиционную схему. В настоящее время в лингвистике существуют разные подходы к выделению структурных единиц, однако они не представляются нам релевантными для анализа автобиографического текста, обращенного к памяти человека. В нашей работе в качестве структурной единицы мы предлагаем рассматривать композиционно-тематическую линию, поскольку она является речевой репрезентацией одного из трех видов автобиографической памяти: личной, семейной или коллективной.

В рассмотренной документальной повести выделяются три линии повествования: личная, семейная и социально-историческая. Их выделение – это важный этап композиционного анализа, поскольку позволяет увидеть структуру объемного текста, в котором описание личного жизненного пути сочетается с повествованием о стремительно сменяющихся социальных и исторических событиях. Каждую композиционно-тематическую линию отличает определенный набор языковых средств, которые помогают вводить ее в повествование.

При описании событий личной линии активно используются перволичные дейктики, лексика с перцептивной семантикой, настоящее историческое время глаголов, согласованные и несогласованные определения, номинативные предложения – такая связка позволяет передавать яркие воспоминания нарратора, а также приближает описываемую ситуацию к читателю. Объектом изображения в семейной линии являются воспоминания о близких людях (матери, отце, сестре, муже, детях), что определяет и выбор языковых средств: двусоставных предложений, использование прямой и косвенной речи, введение несобственно-прямой речи при передаче слов родных. В социально-исторической линии акцент сделан на документальную точность (даты, имена исторических деятелей, указание на источник информации), героиня берет на себя функцию документалиста-комментатора, а иногда и оценивающего субъекта, что эксплицируется через вводные слова и вставные конструкции. Кроме того, особую роль играют неопределенно-личные предложения, поскольку они позволяют изобразить исторический фон и социально-культурную жизнь общества, а также включать в нить повествования сразу несколько линий, считываемых сознанием носителя языка.

Критериями выделения композиционно-тематических линий являются: 1) грамматический (в частности, учитываются категории времени и вида глагола, особенности функционирования синтаксических единиц в разных регистрах речи); 2) семантический критерий при описании моделей предложений; 3) событийно-тематический (личную линию формируют события жизни героини-рассказчицы, такие как учеба в университете, арест, участие в общественных движениях, замужество и рождение детей; семейная линия связана с фигурами родителей, сестры, мужа, детей и их судьбой; социально-историческая линия охватывает явления общественной и политической жизни СССР и Китая, сравнение социальных укладов двух стран).

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в изучении способов взаимодействия тематических линий при анализе композиции, рассмотрении потенциала выделенных языковых средств в формировании зон фокуса и фона в нарративе, а также в расширении материала исследования.

Источники | References

1. Виноградов В. В. Из истории изучения поэтики. 1975. http://www.opojaz.ru/vinogradov/vinogradov_iz_istorii.html
2. Золотова Г. Н., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Филологический ф-т МГУ, 1998.
3. Молчанова А. С. Коллективная память в контексте автобиографических произведений (на материале немецкоязычных автобиографий) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 5.
4. Нуркова В. В. Автобиографическая память (структура, функции, механизмы): дисс. к. психол. н. М., 1998.
5. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000.
6. Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки славянской культуры, 1996.
7. Плунгян В. А. Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики / под ред. В. А. Плунгяна, В. Ю. Гусева, А. Ю. Урманчиевой. М.: Гнозис, 2008. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе.
8. Преображенская А. О. Автобиографический нарратив как опосредующее звено формирования позиции субъекта // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32.

9. Пушкарева Н. В. Неопределенно-личные предложения как средство углубления текстового смысла // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2-2.
10. Рогова К. А. Неопределенно-личные предложения: контексты употребления // Мир русского слова. 2020. № 3.
11. Рягузова Е. В. Коллективная и семейная память в контексте взаимодействия Я и Другого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2020. Т. 9. Вып. 4 (36).
12. Рягузова Е. В. Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2019. Т. 19. Вып. 1.
13. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (Теоретический курс). Самара: Изд-во СамГПУ, 1997.
14. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
15. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970.
16. Labov W. Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.

Информация об авторах | Author information

Лисова Олеся Олеговна¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Lisova Olesya Olegovna¹

¹ Saint Petersburg State University

¹ o.lisova@spbu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.08.2023; опубликовано online (published online): 03.10.2023.

Ключевые слова (keywords): автобиографический нарратив; автобиографическая память; анализ композиции; тематические линии; односоставные предложения; autobiographical narrative; autobiographical memory; composition analysis; thematic lines; one-part sentences.